

моделей, понятых как машины. Речь идет о введении и обосновании понятия «простой машины», артистической «машины-игрушки», которая выступает, по мнению автора, первичной по отношению к другим типам машин — социальной мегамашине (Льюис Мамфорд) и собственно полезным техническим устройствам и технологиям. Предпринят анализ трансцендентальных условий возможности такой машины и медийных предпосылок самой трансцендентальности как своего рода машинного *a priori* и первичной символической структуры языка. Тезис о неэксплицитной машинности традиционных образов человека обосновывается на материале истории медиатеchnики, с привлечением учения о символическом Жака Лакана, медиатеории Жильбера Симондона и Фридриха Киттлера. Проведен критический анализ концепции техники Мартина Хайдеггера, желающих машин Жюль Делёза и Феликса Гваттари и ряда других современных теорий техники (Геральда Раунига и др.). В статье подвергается

критике центральный тезис Мартина Хайдеггера («техника не есть нечто техническое») и его характеристика современной техники как постав (*das Gestell*). В этих формулах неявно предполагается, что сущность «технического» известна заранее, однако она представляет собой у него лишь суррогат технического, антропоморфный образ машины. Другими словами, машину нельзя, предварительно не подменив ее антропологическим двойником, ввести в рамки герменевтического круга. Она всегда ускользает и при попытке прямо указать на нее, наделять сущностью. Машинные образы русского левого авангарда рассматриваются в заключение статьи в сравнении с аналогичными западными художественными проектами (сюрреализмом, дадаизмом) не просто в качестве значимых примеров общей машинной логики, но как проблемный авторефлексивный материал, позволяющий, в частности, критически отнестись к неадекватной оценке Делёзом и Гваттари русского конструктивизма.

она реальность собственного становления. «Естество мысли» — это всего лишь отсрочка ее машинной работы или оболочка, которую можно и прорвать ради нового более привлекательного и удобного интерфейса.

Ошибка «Матрицы» — реальности никогда и нигде не существовало. Или, наоборот, все реально — даже в бессознательном¹. Но единственно доступная нам реальность — это реальность машины. Любые другие ее виды находятся под подозрением бесконечного удвоения сущностей, пока не обнаружат своего машинного происхождения или устройства.

Машина впервые произвела движение, которое не сводится к метафоре «остановки мира»², а детерриторизирует самый

1. Ср.: Гваттари Ф. Машинное бессознательное // Архетип. 1995. № 1. С. 58–65; Он же. Машинное бессознательное. Очерки по шизоанализу // Архетип. 1996. № 3–4. С. 95–103.
2. Липавский Л. Исследование ужаса. М.: Ad Marginem, 1993. С. 77 слл.

Мир, ускользая от *великого полдня* Хроноса в эоническое время *События*. В своей работе она всегда сопротивляется осуществлению в настоящем на принудительно приписываемой ей территории, детерриторируя любые субъективные единства, но обратным движением может быть ретерриторизована сама³. Машина характеризуется оригинальным самодвижением, к которому человек оказался причастен лишь по случаю.

Все внятное, что до сих пор было сказано о человеке, связано именно с машинами, которые он изобретал (или, точнее, при рождении которых он присутствовал) и которые постепенно изобретали его самого, причем не столько в роли субъекта или незаинтересованного наблюдателя, сколько в виде детали будущей машины. Все же невнятное связано с неадекватным пониманием, вернее, таким использованием машин, которое отчуждает их от человеческого тела или человеческое тело от них (Жильбер Симондон)⁴.

Если бы было точно известно, что такое машина, любое сравнение с ней человека и его действий — результатов человеческой деятельности — было бы упрощением. Но так как природа машины остается до конца неизвестной (тем более что у нее нет никакой «природы»), то объяснение ее через человека относится, скорее, к области антропологического знания. Поэтому мы будем понимать машину как образ или модель, с помощью которых человек стремится познать, вернее, воспроизвести самого себя в том или ином историческом времени и онтологическом контексте. Мы хотим сказать, что в устройствах простых машин человек в различные исторические эпохи прежде всего пытался узнать самого себя. Здесь уместно замечание Жака Лакана: «Машина воплощает в себе символическую активность человека наиболее радикальным образом»⁵.

3. Ср. устройство абстрактной машины лицевости — «белая стена — черная дыра»: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С. 276 слл.; или действие экологической машины «луговой клевер — шмель»: *Они же*. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. С. 449 слл.
4. Михаил Куртов в предисловии к первому переводу на русский язык «О способе существования технических объектов» Симондона отмечает, что «не техника поработает и отчуждает человека, а человек своим утилитарным подходом поработает и отчуждает технику от человеческого, в результате чего отчуждается сам» (Куртов М. Комментарий // Транслит. 2012. № 9. С. 94–95).
5. Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар. Кн. II. 1954/55). М.: Гнозис, Логос, 2009. С. 109.

«Человек — это машина». Так в первом приближении можно было бы сформулировать первичную гипотезу анонсируемой здесь науки — машинной антропологии. Она может дать ключ к пониманию процессов, которые начались в прошедшем уже веке и выразились в продуктах и произведениях современной технической цивилизации и гуманитарной культуры.

Понимание человека в качестве машины, разумеется, не является исключительным достоянием современности. Помимо Рене Декарта и Жюльена Офре де Ламетри приходят на ум разрозненные интуиции религиозных мистиков, изобретения ученых-шарлатанов и поделки уличных гениев. Не говоря уже о машинно истолковываемой легенде о Франкенштейне. Но именно современность впервые сформулировала этот тезис не в метафорическом смысле. Проблема сегодня ставится уже не так, будто известный преимущественно из религиозных и научных контекстов «человек» захотел всерьез осознать себя машиной, а так, как если бы сама машина захотела «стать мальчиком» («Искусственный разум» Стенли Кубрика и Стивена Спилберга — одна из недавних попыток). Другими словами, современный человек перестает исходить из себя как чего-то реального и само собой разумеющегося, отказывается перепоручать вопрос о том, что он такое, богам, природе или инопланетянам.

Поэтому машинная антропология не спрашивает, что такое человек, она задает вопрос «Что такое машина?», который только и способен указать на вытесненное в первом вопросе травматическое событие. Таким образом, речь не идет о какой-то изощренной версии философии техники. Ибо мы заранее не знаем, что такое машина, в том смысле, что не берем за основу квазииндивидуальность соответствующей вещи. Никакой предпони-мательной процедуры, никакой антропологической или техницистской объективации. Мы держимся лишь оборачиваемого тождества «человек — машина».

Но это же абсурд?! Пожалуй. Однако не будем спешить с его поэтологическим алиби. Посмотрим, чем это утверждение абсурднее понимания человека как природного существа, общественного животного или образа-подобия Божия на концептуальном уровне. И дело здесь не только в том, что мы не можем ничего знать до конца ни о природе, ни о Боге, ни об обществе, а в том, что в основаниях соответствующих типов знания мы без труда обнаружим уже предвзятого антропоса и вынуждены будем повторить все тот же риторический (или истерический) вопрос. Мы не пытаемся ввиду неизбежного антропоцентризма

нашей мысли свести все к отрицательному, циническому аргументу, что если, мол, все бессмысленно, то почему бы не изобрести очередной спекулятивный конструкт, столь же бессмысленный, как и предыдущие. Напротив, речь идет об элементарной арифметике: «смысл смысла — *bon sens = nonsens*». Усматривая смысл человека в машине, мы пытаемся избежать ловушки здравого смысла — сводить все к лишенной всякого смысла банальности. В таком случае подобная постановка вопроса отличается от известных из истории культуры машинных метафор принятием всерьез обстоятельств, в которых фактически живет современный человек, — тотальной механизации мира, его сознания, тела и даже желания.

Речь, таким образом, идет о смене генеральной стратегии в исследованиях техники — необходимо преодолеть идеологию подчинения машин человеческой воле и сознанию, подобно тому как новоевропейская наука подчиняла себе природные объекты, и обратиться к медиаисследованиям как анализу отношений равноправных машин, каковыми сегодня выступают человек и компьютер.

Машина как интерпретативный концепт

Обращение к машине в послевоенной философии XX века (Мартин Хайдеггер, Жак Лакан, Андре Леруа-Гуран, Мишель Фуко, Жильбер Симондон, Жиль Делёз и Феликс Гваттари, Льюис Мамфорд, Жан Бодрийяр, Поль Вирильо, Фридрих Киттлер и др.) было обусловлено нехваткой классических интерпретативных средств для понимания нерепрезентативных моделей субъективности, с которыми философы столкнулись прежде всего на территории современного искусства — ряда авангардных литературных, художественных и кинематографических проектов XX века (Альфред Жарри, Раймон Руссель, Курт Швиттерс, Ман Рэй, Дзига Вертов, Андрей Платонов и др.).

Интерес к теме машины берет начало в беспомощности традиционных объяснительных и описательных методов (от феноменологии до структурного анализа) в попытках логической реконструкции ее единичности. Машина определяется в них (если не упоминать откровенно мистические подходы) из поставленных человеком самому себе целей в процессе самовоспроизводства как инструмент для удовлетворения связанных с этим воспроизводством потребностей. Но потребности, как и выражаемые ими интересы и цели, машины не изобретают. Изо-

бретенная машина, скорее, используется в связи с этими потребностями, будучи изначально независимой по отношению к дальнейшему применению. Скорее уж потребности появляются вследствие возникновения возможностей по их удовлетворению, предоставляемых каждой новой машиной.

Машине нельзя придавать *a priori* форму индивидуального существования — сложная техническая машина не является целым своих частей, не субстантивируется на основе какой-то имманентной ей сущности, а отсылает к коллективному, групповому бессознательному, механизмам производства желания, получая индивидуальную форму лишь *a posteriori*, в результате вторичной миметической проекции. Открытие в современной философии принципиально не утилизируемой общественным производством «простой» машины и экспликация элементарных машинных принципов, отличных от традиционных логических моделей, позволили найти основания и язык для реконструкции производимых в упомянутых опытах способов субъективации.

Машина как имманентный интерпретативный концепт себя самой, а не внешний пониманию предмет-вещь тем не менее не сводится к понятию самой себя, а выступает открытой структурой понимания, разомкнутой на свой предмет. В этом смысле она может претендовать на роль универсального семиотического ключа, вечно искомого философского камня, выступавшего в истории метафизики под псевдонимами «абсолют», «субстанция», «бытие», «разум», «сознание», «материя» и т.д., в котором различия формы и содержания, мыслимого и представляемого, означающего и означаемого, знака и значения, существующего и сущностного приобрели бы статус становящегося бесконечно-го тождества.

Наряду с «Богом», «миром» и «человеком» машина входит в универсальный семиозис последним полюсом метафизической четверицы, ибо вещи его никогда по сути не занимали, срезаясь ножницами оппозиций означаемое—означающее, знак—значение, то есть находясь на пересечении линий семиотического натяжения. Они привлекались всегда лишь *ad hoc*, в качестве неудачных примеров или иллюстраций предвзятых идей, и неизменно вываливались из протянутых к ним рук (башмаки Ван Гога в интерпретации Хайдеггера). Машина в этом плане тождественна собственному смыслу. Однако это не смысл анамнеза, представления, фантазма или проекции. Повторяя (но не имитируя) его устройство, сама машина не может быть исчерпывающе определена ни в формально-логической, ни в феноменологиче-

ской, ни в герменевтической, ни в психоаналитической перспективе, предполагая собственную логику, о которой пойдет речь ниже. Наш замысел состоит в наброске альтернативной онтоотологии модели понимания, в которой мог бы выражаться допредикативный опыт переживаний человеческого тела как машины.

Вступая в поле универсального означивания, машина детерриторирует упомянутую четверичную структуру, перетягивая на себя и поглощая все разнообразие парадоксов, протянувшихся от естественного человека и человека «Богом-рожденного» до человека-машины, сконцентрированных прежде на других ее полюсах. При этом характеризующие машину тождество производства и продукта, работа в сломанном состоянии, принципиальная неутилитарность, непроизводительность (при сохранении функциональности) вообще отменяют универсалистские претензии структуралистской семиотики, отсылая мысль к незначащим знакам — чистым интенсивностям желания (Жиль Делёз и Феликс Гваттари).

Машина — это не постав

Хайдеггеровский приговор современной технике — постав (*das Gestell*)⁶ — разделяет с отвергнутыми им инструментальным и антропологическим подходами платоническую иллюзию: «сущность техники не есть нечто техническое» (мы пока не уточняем здесь различие техники и машины). Но в этой гипнотической формуле неявно предполагается, что сущность «технического» известна заранее. Кристиан Кассунг отмечает:

Перед нами очевидный дуализм: сущность техники (постав) противопоставляется конкретно-техническому (предметам, наносам, станинам...) — техника тогда становится чем-то неопределимым и тем самым угрожающим. Если составные части и скрепы машины не имеют ничего общего с *самой машиной*, но лишь вхолостую воспроизводят опредмечивание машины, то можно говорить об одержимости машины самой собой⁷.

Но машина вообще не поддается классической процедуре *выявления сущности* в силу непрерывного смещения ее простран-

6. См. эссе «Вопрос о технике», «Время картины мира», «Наука и осмысление», «Вещь», «Поворот» в сборнике: *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993.

7. См.: *Кассунг К.* Аппарат — это не постав // *Логос.* 2010. № 1 (74). С. 165.

ственно-временной рамки. Хайдеггер вроде бы об этом и пишет, когда вводит фигуру постава как особого мирового хронотопа, берущего на себя в современности функцию «выведения потаенного в открытость». Но в том-то и дело, что машина ранее уже была размещена им в объективном пространстве (топос) и времени (хронос) подобно произведенным вещам (рассматриваемым к тому же как ставшие, а не становящиеся), представляя простой пример «состоящего в наличии» и «подручного».

Хайдеггер совершает ошибку, когда, подчинив событие логике произведения как взаимодействия четырех видов повода (переименованных четырех аристотелевских причин), в перспективе «становящегося в истину» бытия, уступает его место «истине» (пусть истолкованной не как «правильность представления», а как «несокрытость»). Ибо такое «становление» способно только имитировать настоящее событие, требуя для своего мнимого осуществления мифологической четверицы неба и земли, божественного и смертного, разом воспроизводящей все традиционные метафизические предпосылки. В результате вещи и машины уравниваются для него в неподвижном «событии» мировости — ландшафтной галлюцинации шварцвальдского онтотеолога. Но можно парадоксально заявить, что машина, дабы существовать, не нуждается в хайдеггеровском бытии, не улавливается «вотостью» (*Da*) и не сводится к примерам подручного и наличного.

Отдельные технические машины не являются простыми примерами технического, представляя собой «форму идеального», то есть находятся в исключительных отношениях с особыми событиями, вызвавшими их к жизни. В горизонте этих событий можно попытаться описать машину из нее самой, вовсе не задаваясь праздными вопросами об утилитарной цели и трансцендентной сущности техники. Ибо отнюдь не потребности задают этот горизонт, они лишь вторичным образом к нему пристраиваются, чтобы затем бессознательно (мифология) или сознательно (наука) воссоздавать условия его заданности. В результате они неизбежно забывают само событие рождения (перво) машины, замаскированное работой некоего первичного машинного устройства («абстрактной машины»), производящего другие машины и продуцирующего разнообразные субъективации⁸.

8. Ср.: «...сущностным определением технического объекта не является утилитарность: он есть то, что осуществляет заданную операцию, выполняет определенную функцию по заданной схеме» (*Симондон Ж. О спо-*

В этом смысле машина изначально образа ее «поставленности» в новоевропейской науке и картине мира (мире как картине). Она также первичнее новоевропейского субъекта, коль скоро производит его самого и тот суррогат ошелюманной антропоморфной машины, который Хайдеггеру было вольно называть поставом. Другими словами, машину нельзя ввести в рамки герменевтического круга, предварительно не подменив ее антропологическим суррогатом; она всегда ускользает и при попытке прямо указать на нее. Поэтому герменевтика должна быть дисквалифицирована как метод интерпретации кода машины, ибо она основывается на предварительной фетишизации истолковываемых понятий. Машина у Хайдеггера функционирует как фетиш, как миметический образ вызвавшего ее к жизни события. Но сама машина ничему не уподобляется, приостанавливая квазинатуральный мимесис, а человек обретает благодаря ей новые формы существования, претерпевая становление в андроидов или репликантов⁹.

Машинная манифестация желания (Делёз и Гваттари)

(Шизо)аналитическое понимание машины описывает ее как совмещение гетерогенных серий, не связанных природно фрагментов реального, которые в результате некоего случайного события впервые находят друг в друге, как себе ином, выражение чего-то, чем не являлись порознь. В таком смысле машина принципиально не тавтологична, не совпадает сама с собой. Это не организм, не представление и не фантазматическая проекция потребности, а, скорее, непредсказуемый эффект встречи разнородных явлений, принцип связи гетерогенного, задающий способ становления новых единичностей и коллективностей. Причем машина обладает самодвижением и способностью развиваться, подключать к себе все новые детали и аппараты¹⁰.

собе существования технических объектов // Транслит. 2012. № 9. С. 99). Согласно Куртову, техническому объекту отводится у Симондона определенная роль или способ существования в тройке системы ансамбль–индивид–деталь. Человек занимается техническим ансамблем как дирижер или совершенствует технические детали, чем способствует размножению технической жизни. Роль индивида переходит от него к самому техническому объекту, поскольку человек — это не индивид, а перманентная индивидуация. Поэтому Симондон также пишет, что самопознание возможно только как самоиндивидуация.

9. Ср.: *Bolz N. Das Gestell. München: Wilhelm Fink, 2012.*

10. Актуальный венский философ Геральд Рауниг приводит определения

В простейшем случае совмещаемых в машине серий может быть всего две, но с сохранением возможности подсоединения других серий. В качестве примера возьмем одно из первых машинных устройств — пружинную ловушку. Первоначально сопряженные в ней серии — пластичности и гибкости дерева, сгибающей его стихии или силы и практики охоты — постепенно совершенствовались, заменяясь и дополняясь новыми, более экономичными и технологичными, так что из случайно расщепленного (например, молнией или ветром) ствола, невольно пленившего пробежавшего мимо зайца, она в результате долгого исторического мимесиса этого события и ряда усовершенствований превратилась в известную охотничью (и не только) принадлежность. В алгоритм сборки так понятой машины всегда влечен человек, но не столько в качестве сознания, базирующегося на чувственном созерцании, памяти и представлении, сколько в качестве желającego тела. В нашем примере это случайный свидетель квазиприродной драмы, аффективно затронутый чудесным событием, но постепенно инвестировавший в нее утилитарный общественный интерес. Говорят, что «машина не в силах повторить опыт живого индивида», не способна обеспечить полезный результат и противостоять автоматизации без машиниста, человека, что обратная связь с машиной предполагает «управление ее человеческим разумом»¹¹. Делёз и Гваттари (далее Д.—Г.) смотрят на это дело иначе: разве живой индивид в одиночку распоряжается своей репродуктивной системой?¹²

Витрувия («Машина — это непрерывное сопряжение материальных составляющих, обладающее максимальной мощностью для перемещения тяжестей») и Вольфа («Машина — это составленное из частей изделие, движение которого основано на способе сопряжения частей»). Он отмечает, что к машине, понятой как сопряжение ранее обособленных частей, можно только присоединять дополнительные агрегаты, однако в нее нельзя привносить никаких делений. Ибо взаимодействие частей машины обеспечено простым сцеплением частей, без каких-либо разрывов, «глубинным полифоническим созвучием, негармоничной «композицией без композитора», а не какой-либо универсалией, субстанцией или Богом. См.: Рауниг Г. Абстрактные машины // Логос. 2010. № 1 (74). С. 207–208.

11. Ср.: Подорога В. А. Homo ex machina. Авангард и его машины. Эстетика новой формы // Логос. 2010. № 1 (74). С. 22–50.
12. Ср.: «Каждый из нас вышел из бесконечно малых микроскопических анималькул, тождество которых радикально отлечено от нашего и которые составляют часть нашей собственной репродуктивной системы; почему же нам не являться частью репродуктивной системы машин...» (Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. С. 449).

В детерриторизованной художественной машине позиция машиниста, согласно Д.—Г., представляет собой ее наиболее детерриторизованную часть¹³.

Итак, связь разнородных серий в машине не является ни естественно полагаемой, ни предумышленной человеческими целями. Речь идет «о представлении системы, элементы которой связаны между собой именно отсутствием всякой связи»¹⁴. По словам Пьера Оже, «машина появляется, как только появляется коммуникация двух реально различных порций внешнего мира в возможной, хотя и менее вероятной системе»¹⁵.

Подвесив органопроекцию и технологическую версию происхождения машин, Д.—Г. вслед за Сэмюэлем Батлером оспорили виталистское и механицистское понимание, соответственно, природных и технических систем. Включенность осы в репродуктивную систему орхидеи, по Д.—Г., говорит о том, что у орхидеи нет единичного центра репродуктивной активности, что не мешает функционировать ее системе репродукции благодаря схватыванию кодом осы репродуктивного кода орхидеи, которая, в свою очередь, перехватывает самца осы, сохраняя в своем цветке фрагмент кода осы-самки.

То же можно сказать и о технических машинах. Было бы абсурдным предполагать, будто паровая машина порождена другой паровой машиной. Ее появление также никак не вытекает из законов термодинамики, которым она начинает подчиняться только после своего «изобретения», да и сами эти законы стали достоянием науки уже после возникновения подобных простых машин. Каждая часть паровой машины возникла из разнородных серий ее специфических производителей, обретя затем способность порождать новые машины и саму возможность естественно-научного истолкования¹⁶.

Вопрос, который поставили Д.—Г. в результате развенчания органической цельности природных систем и структурного единства технических машин, касался их истолкования как двух состояний некоей абстрактной «желающей» машины, образующей своего рода бессознательное мира природы и техники:

Настоящее различие проходит не между машиной и живым, витализмом и механицизмом, а между двумя состояниями

13. Там же. С. 621.

14. По словам Сержа Леклера. Цит. по: Там же. С. 620.

15. Там же. С. 609.

16. Там же. С. 449.

машины, которые также оказываются двумя состояниями живого. <...> Существует взаимопроникновение, прямая коммуникация между молекулярными феноменами и сингулярностями живого...— область неразличимости микрофизического и биологического, из-за которой живого в машине не меньше, чем машинного в живом¹⁷.

Но коммуникация органических и технических машин и их общая бессознательная основа еще не объясняют появление принципиально новых машинных принципов и сочетаний. Поэтому, пытаясь прояснить неметафоричность концепта машины в применении к человеку, Д.— Г. различали органическую, социальную, «общественную техническую машину» и собственно машину творческую, художественную или желающую. Отношение между этими видами машин не предполагает общего рода, какой-то машинной субстанции и жесткой субординации. Речь идет о «заселении» технических машин желающими, о «конституировании желающей машины в лоне технической». Но в то же время сами технические машины «являются лишь конгломератами желающих машин в исторически определенных молярных условиях»¹⁸.

В отличие от отношений системы «орган—орудие», пара «желание—машина», согласно Д.— Г., опосредована неким «машинным типом» — машинирующей социальной инстанцией, не служащей непосредственному удовлетворению потребности, а опосредуемой желанием других. Превращение орудия в машину в этом плане они довольно убедительно продемонстрировали на ряде исторических примеров (превращение оружия гоплитов в элемент греческой машины войны — фаланги).

Но тем самым все еще не проясняется статус машин, существовавших и до их «завладевания» машинным типом. Классический пример такой машины являет та же паровая машина Герона, целую эпоху функционировавшая как бесполезная игрушка, пока не была вновь открыта для промышленного использования в новых социальных условиях. Данный пример показывает, что паровая машина и до своей поздней технологической социальной адаптации обладала несводимой машинной структурой, то есть совмещала характеристики желающей и техни-

17. Там же. С. 450.

18. Там же. С. 623–624. Ср.: «Желающие машины, с одной стороны, и органические, технические и общественные машины, с другой,— это одни и те же машины в определенных условиях» (Там же. С. 453).

ческой машин. Это вовсе не значит, что социальные инвестиции не имели места при появлении первой паровой машины, однако они не носили исключительно технологического, научного или «извращенного» характера. Я намекаю здесь на первичность желаемой = технической машины как машины нечеловеческой, то есть в буквальном смысле на машинный — не антропоморфный — характер желания.

Генеалогическая цепочка запуска машин могла бы выглядеть следующим образом:

1. Открытие первичного машинного принципа вследствие случайного события.
2. Нетехнологическое использование машины в виде игрушки, визуального развлечения.
3. Перехват социальной мегамашиной машинного принципа.
4. Появление общественной технической машины, выполняющей в новых социальных условиях полезные функции.
- 5а. Эстетизация и автоматизация технической машины вместе с последующим альянсом полученного машинного образа с автоматической моделью машинной власти.
- 5б. Открытие новых машинных принципов, способных разорвать установившуюся систему «машина—власть».

Поясним. Еще в середине 1950-х годов Жак Лакан обратил внимание, что до появления энергетических машин (в том числе паровой) понятия энергии не существовало. При этом не то чтобы не существовало самой энергии, просто деспотической социальной машине, сколь бы машинной она сама ни была (ср. «мегамашину» Л. Мамфорда), был неизвестен принцип зависимости между полезной работой и питанием рабов¹⁹. Это говорит о том, что машинирующая социальная инстанция не способна машинировать орудия и машины-игрушки безотносительно к открытым независимо от нее машинным принципам. Она может машинировать их только согласно доступному и имманентному ей

19. Ср.: «И только когда появились машины, люди заметили, что им нужно питание. Больше того — что за ними нужен уход. А почему? Да потому, что они изнашиваются. Рабы тоже, но об этом как-то не задумывались, считая старение и смерть делом вполне естественным. А спустя еще некоторое время было обнаружено — факт, о котором тоже раньше никогда не задумывались, — что живые существа содержат и поддерживают себя сами, другими словами, что они представляют собой кибернетические автоматы» (Лакан Ж. Указ. соч. С. 109).

самой машинному принципу. К примеру, тиранической мегамашине в Древнем Египте было доступно только преобразование физической энергии в механическую, но не был известен принцип преобразования в механическую энергию тепловой. Поэтому рабы умирали тысячами, а пирамиды строились десятилетиями (хотя и были успешно возведены).

Но для того, чтобы социальная машина могла практически использовать открытые независимо от нее технические принципы, она должна была вначале перенять их для собственного устройства. Что и произошло в эпоху буржуазных революций благодаря интеграции в социальную машину принципа маятниковых часов и той же паровой машины. Демократический принцип нового государственного устройства коррелировал здесь с кинематическими и энергетическими принципами. Далее имела место внешняя миметическая эстетизация машины, закрепление перенятого у нее государством кода в синхроническом срезе управления и автоматическом режиме контроля. Проблема состояла в том, что при капитализме демократический машинный принцип был только объявлен, а если и применялся, то ограниченным классом буржуазии (подобно тому как ранее его применение ограничивалось свободными гражданами греческого полиса). Искусство в данных условиях было вынуждено искать новые машинные принципы на теле уже работающей против нее системы формализованной машинной идеологии²⁰. При этом желающая машина продолжала работу на социальном теле капитала в сфере представления — индивидуального и семейного фантазмов.

* * *

Согласно Д.—Г., человек причастен машине в той мере, в какой ее язык отвечает устройству его собственного желания — структуре бессознательного, организованного, однако не по психоаналитическому, а по шизо-сценарию, в котором задействованы общественные темы: проблемы власти, подавления, революции. Верно, что в структуру желания всегда инкорпорирован Другой со своим собственным желанием и аффектами (это, кстати, по-

20. Поэтому, кстати, Д.—Г. писали, что «дружеская революция» желания должна осуществиться не во имя относительно простых и малых машин, а во имя самой машинной инновации, которую всеми силами подавляют капиталистические и коммунистические общества...» (*Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. С. 626*).

ясняет машинность желающей машины и ее связь с бессознательным). Но вопрос в том, как разрешается возникающий таким образом конфликт желаний. Желание как желание Другого в психоанализе неудовлетворимо и чревато травмами, сопряжено с экзистенциальными рисками. Парадокс желающих машин состоит в том, что они работают одновременно и на реакцию, и на высвобождение «революционного бессознательного». Эдипальная проекция, отпавляющаяся от запрета на инцест и страха кастрации, продолжает инвестировать общественное поле в автоматическом режиме, усугубляя соответствующее подавление вытеснением (причем даже при установлении коллективных форм собственности на средства производства).

Известно, что Д.—Г. подвергли жесткой критике фрейдовский психоанализ как способ натуралистического и утилитарного истолкования машин желания (как, впрочем, и марксистскую идею противоречия производительных сил и производственных отношений)²¹. Также они атаковали лакановское понимание бессознательного, которое исходит из опосредования желания запретом (инцест, отцеубийство, кастрация), понимаемого пускай и в символическом порядке, однако запертого под номинальным домашним арестом. Шизоаналитическое (машинное) понимание бессознательного обосновывает отношение «человек—машина» не на органологическом принципе подавления, предпрещающем захват человеком природного мира и господство в мире общественном (как условие по умолчанию), а на принципе «рекуррентной коммуникации». Соответствующая установка предполагает *программирование* желания, «по существу своему структурированное вне эдиповой проблематики»²². Это, в частности, означает, что желание в открытой машинной структуре, прописанной на «теле без органов» данного общества, не должно больше «захотеть матери» и отцеубийства не только в смысле имени, но и в смысле тела. Речь идет о продумывании альтернативной модели символического, которой соответствовало бы и альтернативное общественное устройство²³.

21. Ср.: «...машину... необходимо мыслить в непосредственном отношении к общественному телу, а не по отношению к биологическому человеческому организму» (Там же. С. 628).

22. Ср.: Там же. С. 611.

23. Геральд Рауниг считает, что в социальном поле подобный (демократический) тип сопряжения общественных сил может функционировать «помимо государственного аппарата» (Рауниг Г. Указ. соч. С. 208). Ср. также нашу книгу: Чубаров И. М. Коллективная чувственность: тео-

Освобождение «революционного» желания, по Д.—Г., предполагает сложный процесс (шизо)анализа группового, коллективного бессознательного, в котором желание также есть желание Другого, но как его исполнение, а не как бесплодные или разрушительные зависть и соперничество по поводу его объектов и субъектов. Шизоанализ задумался над тем, как возможно неидеологическое исследование коллективных (не юнгианского типа) проекций желания и идеологически не инструментализованных групповых фантазм²⁴.

Другой вопрос, способны ли были Д.—Г. выполнить подобное задание в условиях «данного общества» — буржуазно-демократической Франции 1960–1970-х годов? Мы отдаем себе отчет в том, что предложенная интерпретация имеет в дискурсе Д.—Г. известные ограничения²⁵. Но то, что они пытались осуществлять свою аналитическую программу на территории искусства, а не через риторику «новых философов», сталинистов и прочих политических провокаторов и социал-предателей, является их непреходящим достоинством. Авангардное искусство является настоящей мастерской подобных поисков и их привилегированным материалом. Ведь именно художник первоначально открывает новую машинную модель-игрушку или авангардный технический прием, который затем может захватить машинные элементы общественных отношений, технику и самого человека. Более того, он становится художником в процессе этого открытия.

Художественные машины авангарда

Итак, в современности мы встречаемся с машинами по преимуществу в литературе и искусстве. Век первичных технических открытий завершился. Но в результате невозможные и неутилитарные желающие машины (притом, что в другом, а именно

рии и практики левого авангарда. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

24. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. С. 619, 635.

25. Например, в понятии «зародышевого имплекса», соотношения элементов производства и антипроизводства на полном теле капитализма или оценки русского комавангарда. Рауниг также отмечает, что центральные характеристики абстрактной машины — диффузность, виртуозность и монструозность — являются продуктивными составляющими современного «когнитивного капитализма» (Рауниг Г. Указ. соч. С. 211–215).

в коммуникативном, смысле они более реальны и полезны, чем современные социальные и технические машины) оказались заперты в автономном художественном представлении, словно в гетто. Как следствие, теория машин Д.—Г., релевантная этим фантастическим, утопическим и художественным машинам, носит по большей части программный и манифестационный характер. Проблема состоит в том, что, по словам Д.—Г.,

...желающие машины не находятся в нашей голове, в нашем воображении, они находятся *в самих общественных и технических машинах*²⁶.

Но когда мы понимаем, с какими именно общественными машинами соотносятся данные желающие машины, мы вспоминаем о том, что желание это хочет и собственного подавления, как бы «шизоаналитически» оно ни истолковывалось.

В этой связи Д.—Г. подмечают реакционные тенденции даже в самом авангардном искусстве, указывая на издержки сюрреализма, итальянского футуризма и... советского конструктивизма, отдавая предпочтение дадаизму и образцам анархического машинного искусства: Курт Швиттерс, Ман Рэй, Марсель Дюшан, Жан Тэнгели, Руб Голдберг, Франсис Пикабия, Антонен Арто, Сэмюэл Беккет и др. Для последних машинность была не заботой внешнего уподобления, представления или фантазии, а внутренним устройством самих авангардных произведений.

Машинизация как прием состояла прежде всего в диссоциации стереотипов восприятия и достижения функционирования *реально различных* («связанных отсутствием связи») деталей в открытой структуре произведения. Главной характеристикой таких машин выступало тождество производства и продукта, то есть их непроизводительность. А центральным приемом создания подобных упрощенных желающих машин являлся метод повторения (рекуррентии) одних и тех же машинных функций-действий, но с некоторым смещением, предполагающим возможность подключения все новых машин. Например, когда одна из деталей машины не является функциональной по отношению к предыдущей, но связана с последующей — и так (в идеале) до бесконечности (пример «машин» Тэнгели²⁷). Основанная на различающем повторе поэтика не сводится к привычному тропированию (метафоре и метонимии), предполагая иную организацию бессо-

26. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. С. 623.

27. Там же. С. 621–622.

знательного, а именно почти утраченную в современной культуре практику неосознаваемых уподоблений. Они и составляли собой гетерогенные детали анархической авангардной машины.

Но все привлекаемые Д.—Г. примеры западного авангардного искусства едва ли способны исчерпывающе выразить «шизоидные» требования их проекта, если, конечно, не подключать дополнительную «дружескую» фантазию. Для того чтобы обеспечить сегодня доступ к групповому бессознательному и возможность освобождения революционного желания, авангардные произведения искусства должны быть как минимум способны как-то проецироваться на социальное поле и иметь соответствия в общественной технике, причем так, чтобы желание при этом не подавлялось. Разумеется, об этом сегодня можно говорить только в иллюкативном модусе пожелания или призыва. В большей степени они обладают такой возможностью разве что в рамках индивидуальных проектов и, как правило, ограничиваются приватным и неизбежно относительным (если не иллюзорным) освобождением самих авангардных художников.

Тем актуальнее становится для нас опыт русского левого авангарда и конструктивизма, который Д.—Г. не оценили по достоинству — между прочим, с чужих слов (Льва Троцкого). В частности, они не учли потенциал машинных утопий 1920-х годов в Советской России — Алексей Гастев, Алексей Ган, Николай Тарабукин, Борис Арватов, Осип Брик, Борис Кушнер, Александр Родченко, Дзига Вертов, Андрей Платонов, Варвара Степанова, Любовь Попова и др. Центральная идея производственного искусства и конструктивизма, представленная этими авторами, состояла в том, что машина должна не только выражать структуру желания, но и иметь возможность изменять ее. Поэтому произведения производственного искусства не боялись двигаться к тождеству «красоты» и «пользы», целесообразности и художественности, которые как раз и являются условиями изменения отношений людей к труду, вещам, собственности и телам других людей.

Во всяком случае русский комфутуризм не сводился к «выражению пресловутой организации партии как демократического централизма» (как бы ни относиться к «башне Татлина») и записанию «анархистских элементов в партийную машину, которая их уничтожает»²⁸. Хотя и верно, что партия постепенно

28. Ср. что пишут об этом Д.—Г. в самом конце статьи-приложения к «Анти-Эдипу»: Там же. С. 633–634.

подчинила коммунистические элементы авангарда бюрократическим и государственно-капиталистическим автоматам ценою его уничтожения. Сами же художники-авангардисты предполагали открытие в художественных машинах новой реальности отношений, коммунистическую расшифровку действительности, соотнесение открытых машинных принципов с элементами общественного поля, чувственностью новых людей, коллективной телесностью и т. д. Архив авангарда обладает на сегодня в этом плане колоссальным теоретическим и художественным потенциалом, достигнув до сих пор не опознанных и не учтенных западными критическими мыслителями практических результатов²⁹.

Нам сегодня чрезвычайно сложно находить в социальном бытии опору авангардным проектам, но, сознавая транзитивный характер самого авангарда, мы можем по крайней мере ориентироваться на открытие в нем принципов свободных отношений для настоящего, практикуя их по возможности в собственном общении, групповом творчестве и личном философском дискурсе, ориентированном на угнетенных.

Machine Anthropology: a Belated Manifesto

Igor Chubarov. Doctor of Philosophy, Researcher at the Institute of Philosophy at the Russian Academy of Sciences. Address: 14/1 Volkhonka str., Bldg. 5, 119019 Moscow, Russia. E-mail: tchubaroff@gmail.com.

Keywords: a machine notion; machine Utopias of the Avant-guard; Martin Heidegger's philosophy of the technics; desiring machines by Gilles Deleuze and Félix Guattari.

The task of this article consists of developing a sui generis machine logic, one that might become an alternative to the traditional onto-theo-logics. This new logic claims that the pre-predicative experience of human corporeality and sensibility, along with social models, could be expressed as a machine. And it provides justifications for the notions of "simple machine" or the artistic "toy-ma-

chine," which are primary to the other types of machines, as well as the social megamachine (Lewis Mumford), and smart technologies. This article deals with the transcendental conditions of the emergence of such a machine, and the media preconditions of transcendence itself, which are treated as the machine's *a priori* and as a symbolic language structure. A thesis regarding the nonexplicit machinic character of traditional human images is based on the history of media technologies, Lacan's symbolic order, and the media theory of Gilbert Simondon and Friedrich Kittler. On the other hand, Heidegger's theory of technology, the "desiring-machines" of Gilles Deleuze and Félix Guattari, and media theory by Gerald Raunig were thoroughly scrutinized. Heidegger's key arguments, that "the essence of technology is itself nothing technological," as well as his

29. См. подробнее нашу монографию: Чубаров И. М. Указ. соч.

characterization of modern technology as Gestell (*das Gestell*), are criticized. These arguments provide an implicit assumption that the essence of “technology” is known in advance. Nevertheless, this essence is represented as no more than the ersatz of something technological, or as an anthropomorphous image of the machine. Thus, the machine cannot be placed into the hermeneutic circle without being replaced by its anthropological twin. It always slips away from any attempt to either to point to it or define it.

The last part of the article considers mechanic images of the Russian Avant-garde, in comparison with western artistic projects of the time (surrealism, dadaism). However, such comparison does not lead to a simple demonstration of a common machine logic, but brings with it the crucial point of its problematic and autoreflexivity, which provides us with an understanding of the inadequate evaluation of Russian constructivism made by Gilles Deleuze and Félix Guattari.

References

- Bolz N. *Das Gestell*, München, Wilhelm Fink, 2012.
- Chubarov I. Anthropologie machinique. Manifeste tardif. *Revue philosophique de la France et de l'Étranger*, 2014, no. 3 (139), pp. 377–394.
- Chubarov I. *Kollektivnaia chuvstvennost': teorii i praktiki levogo avangarda* [Collective Sensibility: Theory and Practice of the Left Avant-garde], Moscow, HSE, 2014.
- Deleuze G., Guattari F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniia* [L'Anti-Oedipe: Capitalisme et Schizophrénie], Yekaterinburg, U-Faktoriia, 2007.
- Deleuze G., Guattari F. *Tysiacha plato: Kapitalizm i shizofreniia* [Mille Plateaux: Capitalisme et Schizophrénie], Yekaterinburg, Moscow, U-Faktoriia, Astrel', 2010.
- Guattari F. Mashinnoe bessoznatel'noe [L'inconscient machinique]. *Arkhetip* [Archetype], 1995, no. 1, pp. 58–65.
- Guattari F. Mashinnoe bessoznatel'noe. Ocherki po shizoanalizu [L'inconscient machinique. Essais de schizo-analyse]. *Arkhetip* [Archetype], 1996, no. 3–4, pp. 95–103.
- Heidegger M. *Vremia i bytie* [Zeit und Sein], Moscow, Respublika, 1993.
- Kassung C. Apparat—eto ne postav [Ein Apparat ist kein Gestell]. *Logos. Filozofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2010, no. 1 (74), pp. 164–172.
- Kurtov M. Kommentarii [A Commentary]. *Translit*, 2012, no. 9, pp. 94–95.
- Lacan J. *Seminary. Kn. 2. "la" v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza* (Seminar. Kn. II. 1954/55) [Séminaires. Livre II. Le Moi dans la théorie de Freud et dans la technique de la psychanalyse, 1954–1955], Moscow, Gnozis, Logos, 2009.
- Lipavsky L. *Issledovanie uzhasa* [Investigation of Horror], Moscow, Ad Marginem, 1993.
- Podoroga V. Homo ex machina. Avangard i ego mashiny. Estetika novoi formy [Homo ex machina. Avant-garde and Its Machines. Aesthetics of a New Form]. *Logos. Filozofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2010, no. 1 (74), pp. 22–50.
- Raunig G. Abstraktnye mashiny [Abstract Machines]. *Logos. Filozofsko-literaturnyi zhurnal* [Logos. Philosophical and Literary Journal], 2010, no. 1 (74), pp. 207–215.
- Simondon G. O sposobe sushchestvovaniia tekhnicheskikh ob"ektov [Du mode d'existence des objets techniques]. *Translit*, 2012, no. 9, pp. 96–105.